

полития

ВСПОМИНАЯ ГЕНЕРАЛА ВИШНЕВСКОГО

7 декабря 2010 г. не стало одного из создателей нашего журнала Олега Ивановича Вишневого. Он был... он не был похож ни на кого; по крайней мере, в Редакционном совете «Политии» он был такой один.

Кадровый военный. Танкист. 34 года службы. Командир взвода, полка, дивизии, заместитель командующего армией. Афганистан. Орден Красной Звезды. Чернобыль. Последняя должность — заместитель командующего войсками Киевского военного округа. С нее он и ушел в отставку, отказавшись принимать украинскую присягу (хотя Украину, свою родину, нежно любил — просто счел, что «переприсягать» несовместимо с офицерской честью). Перебрался в Москву — и в ноябре 1994 г., познакомившись с А.М.Салминым, принял его предложение стать исполнительным директором Фонда «Российский общественно-политический центр», в стенах которого вскоре и возникла «Полития». Следующие десять лет Салмин и Вишневский простояли, по их собственным словам, «спина к спине».

Салмин не раз говорил, что один из его замыслов относительно РОПЦа состоит в намерении возродить, хотя бы в доступном ему локальном масштабе, старую российскую традицию сотрудничества гражданской и военной интеллигенции. Того РОПЦа уже нет; но нечто в этом роде в нем действительно происходило, и тут заслуга не только Салмина, но и — в той же мере — Вишневого. Вишневский был настоящий, доподлинный генерал, что называется, «военная косточка» (как пошучивали в РОПЦе, «лязгая гусеницами, по коридору прошел Олег Иванович»). Но при всей своей «бронетанковости» он был настоящим интеллигентом. Его безукоризненная щепетильность в делах; его рыцарственно-благородное отношение к женщинам; его неизменная готовность помочь каждому, кто нуждается в помощи; его неподдельный интерес к политической науке и неожиданная способность на равных участвовать в дискуссиях с ее признанными мэтрами, высказываясь кратко, остро и парадоксально... И его без преувеличения трепетное отношение к чисто научному журналу — в иерархии приоритетов Вишневого «Полития» всегда стояла выше всех тех сугубо прагматических забот, которых у исполнительного директора Фонда было немало. Нет, он не был похож ни на кого.

...Вот я пишу все это, а перед глазами — Олег Иванович. То жесткий, собранный, со стиснутыми зубами и сверлящим взглядом — то хохочущий во все горло, светящийся совершенно детской радостью.

А потом его лицо застится видом вымороженного, заледеневшего кладбища где-то на окраине Зеленограда, на котором мы его хоронили. Оркестр играет советский гимн; а над гробом — триколор с траурной лентой, и двуглавые орлы на шевронах и кокардах почетного караула. То был единственный момент, когда такое сочетание не вызвало у меня внутреннего протеста. Вишневский вообще-то сильно не любил советскую власть и не питал иллюзий в отношении власти постсоветской. Его искреннее, горячее патриотическое чувство никак не было опосредовано инстанцией властей предрежащих. Он со всей солдатской прямотой любил Россию — и служил ей одинаково преданно что на военной, что на гражданской стезе. Мне кажется, его жизнь — одно из редких свидетельств того, что в России все-таки потенциально возможен тот «политико-культурный синтез», о котором писал и на который уповал Салмин: «срастание, если угодно — симбиоз теоретически непримиримых и остающихся в принципе непримиримыми политических субкультур <...> Являясь противоречием в себе — единством несовместимых начал, — такой синтез бывает устойчивым, в частности, и потому, что возникает на пределе духовных, интеллектуальных и политических возможностей». Вишневский десятилетиями подвергал себя такому предельному испытанию — наверное, потому и умер, не дожив даже до семидесяти. Однако с его уходом критическая масса людей, способных на подобное, еще уменьшилась. Самим своим видом, своим существованием он вселял надежду. Теперь надежды стало меньше. Прощайте, генерал. Без Вас будет трудно.

С.И. Каснэ